

Анастасия Бойцова

Стихотворения и поэма

Оглавление:

От первого лица (1992 – 2003)

Прощальная песня.....
«Не успеваю».....
«Звени, мое сердце».....
«Стереги меня...».....
«Настанет день...».....
Счастье.....
«Что сами захотите – то имейте!».....
Другу.....
О. Егоровой (диптих)

Из цикла «Верхом на Гиппогрифе»

– «И конь надорвался...».....
– Астольфо.....
– Всем нам.....

Город, которого нет (1994 – 1995)

«Отпусти. Я уйду холодком по спине...».....
Дом у моста.....
«Как по скатерти вод...».....
«И вот, словно взмыленного коня...» (Ночной полет).....

Старо, как мир (1995 – 2003)

Последний дар.....
Лев
Дженни.....
Заклинание.....
Послание
«Под небом Господнего гнева...».....
Мозаика.....
«Старо, как мир? А ты попробуй, справишься...».....
«Вторая весна без тебя...».....
«Мой драгоценный джентльмен...».....
Романс.....
Приговор.....
Валькирия.....
«Разве знали мы, о чем просили...» (Молитва).....

Бродячий сюжет (1992 – 1999)

Ответ на письмо.....
Из шервудского цикла:	
– «До леса четыре мили...».....
– Песня Вилла Статли
– Речь Маленького Джона.....
Ламме Гудзак.....
Последний выход.....

Книга пророчеств

- «Отпусти мой народ!..».....
- «Без пути лежу я у дороги...».....
- Тосканский тетраптих.....

Ветер времени (1995 – 2001)

- Подражание Кипплингу.....
- Театр абсурда.....
- Маленькие стихотворения.....
- Просьба к Создателю.....
- Fin de siecle.....
- «Благодарю тебя...».....
- За тех, кто в пути.....
- «Если пути себе под ноги стелешь...».....
- Мы плывем за Моби Диком.....

Античные мотивы (1999 – 2003)

Песни с Лемноса:

- «Брови дугами...».....
- «Тенями, богинями...».....
- «Ой, забудешь меня...».....
- «Ай, Клеа...».....
- «Рассказать бы...».....

Из «Митиленских песен»:

- «Пред тобою, владыка сильный...».....

Из «Песен вольного племени»:

- «Здравствуй!..».....
- Чужой секрет.....

В круге девятом (1999 – 2002)

Из цикла «Miser Catulle».....

«Так вот и ходишь – ни зло, ни услада...».....

Песни Меджнуна:

- «Оттого я безумен, что мать меня родила...».....
 - «За пуды серебра покупают жен...».....
 - «Я – на руке у тебя перстень с печатью, девушка...».....
 - «Клином солнце тянется от дверей...».....
 - «В кабаке густеет пьяный дым...».....
 - «Пятьдесят у тебя рабов, клейменные лбы...».....
 - «Ты замкнул небеса для меня, Творец!».....
 - «Руки высохли. Рот и глаза затянуло льдом...».....
- Монолог на остановке «Женский монастырь».....

Марфа (поэма на библейский сюжет).....

От первого лица

Прощальная песня

Прощай! От финала мокры глаза,
И пьеса шла на "ура",
Но высохнут слезы, пустеет зал,
Погасли прожектора.
И как журавли, поезда трубят:
В дорогу! Пора кончать.
А кто сыграет взамен тебя,
Какая тебе печаль?
Прощай! Это было лихой игрой -
Дай Бог еще где-нибудь...
А чем вспоминать иногда, порой -
Так лучше совсем забудь.
Столбы в окне твоём зарябят,
А может, мелькнет причал...
А кто завтра будет взамен тебя,
Какая тебе печаль?
И если черт побирает все,
Всем песням один конец -
Не все ли равно, кого унесет:
Ни я не сойду со своих высот,
Ни ты не придешь ко мне.
Ступай же с миром, слов не дробя,
Навечно, на год, на час.
А кто со мной завтра взамен тебя,
Какая тебе печаль?
Она - говорят о земле святой -
Не может знать пустоты.
Кто будет завтра стоять на той,
С которой уходишь ты?
И руки руку затеребят,
И очи прочтут в очах...
А что в них прочтется взамен тебя,
Какая тебе печаль?
Не первым быть - не беда еще,
Не быть никаким - беда.
И если все побирает черт,
Ему привет передай.
А мир летит, против ветра гребя,
Но я говорю - прощай.
А кто в моем сердце взамен тебя,
И что в моем сердце взамен тебя,
И будет ли сердце после тебя -
Какая тебе печаль?

* * *

Не успеваю вовремя поднять
Себя – с постели и глаза – навстречу;
Не успеваю ни расправить плечи,
Ни набросать в уме порядок дня.

Не успеваю удержать друзей –
Влюбиться – оправдаться – рассмеяться;
Не успеваю ни отведать яства –
Куда там! – даже просто поглазеть.

Не успеваю непрерывный страх
Преодолеть; чем далее, тем хуже:
Не успеваю вечером на ужин,
Из дома вышел в семь часов утра!

Не успеваю закрепить успех,
Достигнутый случайными словами;
Не успеваю все; не успеваю
Все, что на свете можно не успеть.

Не успеваю потереть ушиб,
Не успеваю выбраться из ванной...
А что поделать, если гость незванный
Пришел не впору и сказал: «Пиши»?

1992

* * *

Звени, мое сердце, от долгой разлуки
Не с милым, но с миром – возьмите назад!
Звенят мои жилы, звенят мои руки,
Звенят от натуги, порваться грозят!

Ходячий звонок, небывалый в природе,
Для каждого слуха, у каждой дверей;
Не пес это воет, а тень моя бродит
Меж запертых окон в холодном дворе.

Иной раз кидают – улыбки, остроты,
Подарки – ужимки – подачки – гроши...
Откройте – откройте – откройте – откройте!
Безумная просьба бездомной души.

Бродить и бродить сумасшедшим трамваем
Не сутки – не час – не неделю – не две;
Но не открывают – но не открывают

Ни окна – ни душу – ни сердце – ни дверь

Как видно, пристало – клеймом и присягой –
На этой земле, где спасения нет,
Пока батарейки не сядут – не сядут –
Звенеть – и звенеть – и звенеть – и звенеть...

1992

* * *

Стереги меня, смерть, потому что хочу устеречься
От забвенья, повтора и моря, где тонет ковчег.
Потому что хочу не успеть ни поступком, ни речью
Подчиниться тому, что возникло до строк и до черт.

Стереги меня, страх, потому что иначе смеяться
Разучусь и дерзать перестану; спаси меня, страх!
Стереги меня, страсть. Говорят, и тряпичным паяцам
Ты для смерти даруешь высокое чудо костра.

Стереги меня, рать искушений, без коих бороться
Будет не с чем, и грошик базарный – цена чистоте;
Стереги меня, враг, ибо можешь во мне инородца
Все еще различить на земле притяжений и тел.

Стереги меня, Бог, потому что хотя и безбожно,
Но без доли твоей не хочу ни хрипеть, ни дышать.
Стереги меня, боль, потому что душа моя – ножны,
А без доброго лезвия ножны – пустая душа.

Для усталых небес, чей закон запылен и нечитан –
Все мелодии тела. Но если душа устает –
Стереги меня, бес! Потому что иную защиту
Отрицает бессовестно жадное сердце мое.

1993

* * *

Там меня встретит Дьявол – этот
старый рогоносец – и скажет:
«Ступай на небо, Беатриче, ступай на небо!»
Шекспир, «Много шума из ничего»

Настанет день – мое поправление приличий
Прервется наконец приличьем похорон,
И Дьявол скажет мне: «На небо, Беатриче!
Ступай на небо, тварь, скрипевшая пером!

Нахально, как Рахиль, надувшая Лавана,
Ты очернила кровь, текущую в тебе!
Ну, где твои грехи? Куда ты их девала?

Зачем ты прожила, скоропечатня бед?

Нет места на огне ни теплым, ни холодным.
Пускай тебе в раю смертельная тоска
Достанется в удел. Ступай куда угодно!
Ступай отсюда к тем, несчетнее песка!»

Недвижна и нема, внимая этой речи,
Не поднимая рук, по-прежнему пустых,
Я голову склоню и так тебе отвечу:
«Что смертные для той, кому явился ты?

С любимыми горда, безжалостна к любившим,
И здесь, как на земле, я помню мой обет!»
И тихо ты шепнешь: «Ступай на небо, Биче.
И знай, что здесь, внизу тоскуют о тебе».

1993

Счастье

Опять на месте: на пределе.
Там, где положено: на дне.
Семь понедельников в неделю
По части несчастливых дней.
Приметы прошлого роскошны:
Был домовый, и тот зачах;
Все силуэты встречных кошек
Не серы даже по ночам.
Приметы в будущем бесценны:
Наряд с оборванной каймой,
Из десяти бокалов целых
Один разбитый - будет мой.
Слаба грешить, сильна в расплате,
Горю в огне, тону в воде -
Я даже свадебное платье
Разорвала бы, не надев.
Чего ещё? Какого знака?
Какого камня на тропе?
Но есть же сердце - чтобы плакать.
И даже горло - чтобы петь.

1995

* * *

Что сами захотите - то имейте!
Дорогой скатерть, щебень и паркет.
А я - струна на этом инструменте,
Натянутая жила на колке.
Во всём ином - сплошная непригодность,
Живая плоть о плоти вопиет -

А нам даётся голос. Только голос,
Чтоб не гадать - откуда нам сие.
Другим даны живые измерения,
Где мерою за меру обретут,
А я - одно звено Твоей свирели,
Прижатое к невидимому рту.
Другим земля - от Рейна и до Ганга,
Труды морей, сокровища греха,
А я - труба из Божьего органа,
И мой закон - раздутые меха.

1995

Другу

Старо, как Рим, как старый ром:
Законы пишутся пером.
И святотатствуем, и врем,
И каемся – пером.

Все совершит и все сотрет
Святое лезвие острот,
Исток и топливо костров:
Гусиное перо.

Но что тебя перевело
Через небесный бурелом,
Чем растревожен этот гром
В груди? – Твоим пером...

Какою силой нанесло
На гладь бумаги листья слов?
Что их с орбиты сорвало?
Перо? – Крыло!

1995

Диптих

Ольге Егоровой

I

Ожесточенные чертовски
Своей рассеянной природой,
Мы — длиннолапое потомство
Детей Свободного Народа.
С твоею образностью статной,
С моей веселостью немойтой,
Мы — предпоследние остатки
Житейского палеолита.
Расположившись по-пиратски
Среди служебного завала,
Мы только след какой-то расы —

И чумовой, и небывалой;
И под хрустальным абажуром,
И во вращающемся кресле
Среди чужих бетонных джунглей
Мы беспредельно неуместны,
Как над холмами стая чаек
Меж заплетающихся улиц...
И день за днем, не замечая,
Мы занимаем круговую
От неприятеля, что скрытен
И безнадежно одинаков:
От заурядности событий
И затрапезности барачков,
Все эти мертвенные зыби
Ко всем чертям преобразуя, —
От беспардонного безрыбья,
От поголовного безумья,
От мелководного бассейна,
От мелкорослого гусарства,
От скукотворного веселья,
От смехотворности сенсаций,
От власти времени, чья плотность
Не поддается на молитвы;
И против старости — пусть лопнет!
И против юности — пусть влипнет!
От повседневности, делами
Перегружающей беспечно;
От местной фауны, что лает
На нас в истерике и течке;
И от бушующего шторма
На сто тридцатой параллели,
В далекой гавани, в которой
Два наших паруса белеют.

II

Когда отпылала весна боевая,
Размыло дождями дороги судьбы,
Мы скажем: отславились, отвоевали,
И только одно не успели избыть.

Когда облетело густое цветенье
И двадцатилетье ушло за холмы,
Мы скажем, желтея — две бледные тени, —
Что лишь одного не утратили мы.

Я верю, как в воздух, как в боль под грудиной,
Как верю, что все это встретим вдвоем,
В то дивное диво, что непобедимым
Пребудет беспутное сердце твое.

И за два шага до чугунной ограды,
Лелея на солнце остатки красот,
Мы снова с тобой обменяемся взглядом
На чье-то мелькнувшее в спешке лицо.

И тут я увижу, как тонкие ноздри,
Двойное наследие польской крови,
Втянув зачарованный трепетный воздух,
Отвечут, как облако, годы твои.

И в миг, неизвестно который по счету,
Все краски Вселенной вокруг обострив,
Так молодо вспыхнут уставшие щеки,
Как будто фитиль засветили внутри.

Полвека смахнув, как пятно от побелки,
Куда-то в пространство ресницы воздев,
Ты вся уподобишься компасной стрелке,
Опять отыскавшей дорогу к звезде.

Ни мысли, ни фразы еще не окончив
(О том, что худеем и снова не пьем),
Ты дрогнешь, как пес из созвездия Гончих,
Почуяв неладное верхним чутьем,

Покуда навстречу, не ведая, кто ты,
Беспечная дичь направляет стопы...
— Так доброй охоты! — Так доброй охоты! —
Шепну я тебе — и исчезну с тропы.

2003

Из цикла «Верхом на гиппогрифе»:

* * *

И конь надорвался, и плащ истрепался,
Никто не узнает, никто не приедет...
Какого еще ананаса в шампанском
Желаете вы, благородная леди?

Не стихнет дыханье над спицами кровель,
Не звякнут внизу долгожданные шпоры;
И весь мой закон – неподатливость крови:
Холодной? – нет, попросту – огнеупорной.

Везет же – везет же – красоткам из сказки:
Высокие башни, плющовые плети...
Заснуть бы – заснуть бы – и всласть отоспаться,
И знать, что в запасе – четыре столетья!

Поднимешь ресницы – и сызнава двадцать,
Звенят соловьями колесики ходик...

Но тянется жизнь, вынуждая сдаваться,
И зеркало вянет, и вечность уходит.

Какие сто лет – ни минутки, ни трети!
И косы секутся, и губы белеют...
И горечь не встретить, не встретить, не встретить
На кратком пути одного поколения.

И ждать, отмеряя дорогу земную
На малом участке неближнего света...
На сколько же лет мы с тобой разминулись,
Гордец и смельчак, для которого – это?

Астольфо

Что растрчено, что воры растащили,
Что сквозь пальцы унесло теченьем лет...
Говорили, на Луне, мол, есть лощина,
Где хранятся все потери на Земле.

И невидимо мерцают нам оттуда,
Стоит веки утомленные смежить,
То сокровищ растраниженные груды,
То сожженных фолиантов стеллажи.

Там на склонах серебристою осокой
Прорастают невозвратные года;
Где-то локоны, увядшие до срока,
Где-то смех, отшелестевший навсегда.

Где-то высятся разрушенные стены
Сотни тысяч неврежденных Атлантис...
Только Ньютон не нашел такой системы,
Чтобы эти Атлантиды обойти.

Вместо карты – стихотворная страница,
Не бывавшая у времени в плену...
Забери меня с собой, отважный рыцарь,
На чудовище летавший на Луну!

Открыватель межпланетных навигаций
Мне прищурится насмешливо в глаза...
Милый рыцарь, я лечу не за богатством,
Даже юность не потребую назад.

Не манит меня хрустальная посуда,
Что так бережно вы держите в руке, -
Даже если там остался мой рассудок,
Что поделать! Возвратимся налегке.

Но потеря есть, с которой примириться –
Легче гроб себе до срока обтесать:
Укажите мне долину, добрый рыцарь,
Где потерянные спрятаны сердца!

И попутчик отвечает мне в печали
О себе и дивнокрылом скакуне:
Мы нигде такого места не встречали
Ни в аду, ни на Земле, ни на Луне.

Поищите в Купине Неопалимой,
Или, может быть, на вечных полюсах...
Не найдется на Луне такой долины,
Где хранились бы разбитые сердца!

Всем нам

Как родственны в истоке всех верховий
Ключи судьбы и нотные ключи!
Так отчего в стихах гремит Бетховен
У тех, кто «до» и «ре» не различит?

И был ли кто так мощен и отчаян
Меж гроз морей и баловней судьбы,
Как маленький, тщедушный англичанин,
Чьим Трафальгаром лист газетный был?

Все стихло, все угасло, все умолкло,
Но там, доколе даль еще плоска,
Удары волн в ушах морского волка
Не заглушают ямбовый раскат.

И те еще – о, как же в этом блеске
Все наши «много» малы и горьки! –
И те еще, чьи имена как всплески,
Неслышимые в гомоне реки.

Кого, как листья, сорванные ветром,
Навеки подхватила тишина;
Чья жизнь была тиха и безответна
И начисто величья лишена.

Но в ком слова безвестного Бертрана
Не пробуждали чувства высоты?
Все это странно – ветрено и странно.
Как счастье. Как трагедия. Как Ты.

Город, которого нет

* * *

Отпусти. Я уйду холодком по спине.
Я оставлю круги на воде.
Отпусти меня в город, которого нет,
И которым нельзя овладеть
Ни подкопом, ни подкупом. Где - ни дворцов,
Ни казармы, и нет площадей.
Отпусти меня в город, который не сон,
Надо только узнать ещё - где.
Если кто-то захочет тебя променять
На почти нестерпимый восторг,
Отпусти его в город, к летящим коням
На изогнутых шеях мостов,
Где зубчатые башни кичатся родством
С облаками в небесных зыбях...
Отпусти меня в город, который не твой,
И в котором не будет тебя!
Отпусти меня в город недолгих дождей,
От которых заходится дух,
Отпусти меня в город, который не здесь.
Отпусти. Всё равно я уйду.
Отпусти меня в город узорных камней,
На которых - мой собственный стих...
Но сперва отпусти мою душу ко мне.
Отпусти её в город, которого нет!
Я уйду. Только ты отпусти...

1994

Дом у моста

Тот дом, в который нет ни звонка, ни стука,
В котором лестница есть, но нет этажей,
Тот дом, в котором даже скука - не скука,
Который - вот только сегодня! - построил Джек,
Тот дом, постучаться в который под стать великану,
Но где великану - негде даже стоять,
Тот дом, в котором в окошко кидают камни,
А нынче монету, как в море, кинула я,
Тот дом, в котором такое обилие света,
Что света не видно за стенкой солёных вод,
Тот дом, стоящий неведомо где, но где-то,
И явно не в двух кварталах от моего,
Тот дом, который дороги обходят мимо,
Как мимо обходит смена дней и недель,

Тот дом, стоящий на каждой дороге Рима,
Тот дом, как маяк, обращенный спиной к воде,
Тот дом, который сам себе - кот и сторож,
Тот дом, в котором делят сон, как еду, -
Единственный, может быть, в мире! - тот дом, в котором
Меня никогда, никогда, никогда не ждут.

1994

* * *

Что за поезд придет?

У. Джей Смит

Как по скатерти вод без ажурной резьбы,
Не ища никого, разве только - забыть,
Разве только – забыться на вольном плаву
Сквозь шуршание шин, сквозь речную траву,

Сквозь огни – и вдыхать этот сонный абсент
Из бензина и водорослей на косе,
Из дыханья асфальта и плоти реки...
А напившись, одною рукой опрокинь

Фонари и закат на зеркальную тень,
Мановеньем мазка размешай, и затем
Наклонись и высматривай, взоры вперив
В эту чашу за порванным краем перил:

Чье лицо проступает на скатерти вод...
«Что за поезд придет?»

1995

* * *

(Ночной полет)

И вот, словно взмыленного коня
С пещерами впалых скул, -
Идёшь по городу - загонять
Ошпаренную тоску.
И вот, зажимая тебя ещё
В сквозных нетвёрдых когтях,
Кривые стремнины ночных трущоб
Тебе навстречу летят.
И вот, поглощая твои шаги,
Струится синяя тень...
Не знаю, бывает ли выше гимн,
Но не завещаю тебя другим,
Мой сон в моей темноте,
Где небо - сверкающий свиток нот
Над серым клочком сукна -

Но в каждом городе есть окно,
А может быть - два окна...
И сквозь аромат машин и костров,
Сквозь пряные своды лип
Я все перфоленты оконных строк
Вычитываю вдали.
И это мерцанье земных планет
Такою наводит жуть,
Что воют собаки, осатанев,
А я на окно, которого нет,
Сквозь собственный сон гляжу.
Моя удача, мой переплёт,
Моё немое кино,
Мой город, что сонную воду пьёт,
Как тощий чёрный щенок,
Мой сущий бред, бредовая гиль,
Где я, плаща не надев,
Всю ночь ненасытно черчу круги...
И я не желаю тебя другим,
Болото моих надежд!

1995

Старо, как мир

Последний дар

Послушайте песню, как небо, седую -
Нет песни знакомей!
Купила красотка у старой колдуньи
Судьбу во флаконе.
Купила - и выпила б каплю за каплей,
Дрожа, как невеста,
Когда б не мелькнул тебе в свете закатном
Прекрасный маэстро.
И смерти не стало - лишь черные очи
При свете закатном,
Ах, к женскому сердцу молитвы короче
Пути музыканта!
Любовь музыканта - как черный Везувий,
Как тысяча лезвий!
И долго ли, коротко длилось безумье?
До самой болезни,
Когда поняла ты, что путь твой окончен,
И вместе с любовью
Ему подарила заветный флакончик -
Пойти за тобою.
Разверзлось бы небо от стольного Рима
До сонного Нила,

Когда бы ты знала, кому ты дарила
И что ты дарила!
Восстало бы сердце последней обидой,
Рубиновым валом, -
Когда бы ты знала, кого ты любила,
Когда бы ты знала,
Что сам не пригубит твое причащенье -
Другого напоит!
Но женское сердце - не камень, не щебень -
От веку слепое.
Но женское сердце - не камень, не щебень -
Не вовремя щедро,
Но женское сердце нашло бы прощенье,
Где нету прощенья.
Напрасно ждала ты за тем перевалом,
Страдая и веря...
Антонио - так ты его называла,
Подруга Сальери?

1995

Лев

(из цикла «Бестиарий»)

Меня здесь нет. Иллюзии развей.
На алом поле
Я - геральдически прекрасный зверь,
Увы, не боле.

Державно лапу грозную подняв,
Напасти жду и милости взыскую,
И блики золотистого огня
Бегут по шкуре.

Как бы в ответ на искус, на призыв,
На голоса Астарты иль Ваала
Змеится мой презрительный язык
Из пасти алой.

В кольце девиза, в ласковой петле
Из авантюрной, из тончайшей пряжи,
Тебе - и только - подобает Лев
В послы и в стражи,

В посланцы у Единственной из жен -
В посланцы неба!
И я доволен, что изображен
Таким, как пребыл:

С твоим девизом "A mon seul desir",
С крылами грифа...
Твой грозный, твой единственный визирь -

Дженни

Он совсем другой – близорукий и тонкокостный,
Без доспехов, без подвигов – все осталось внизу;
Но бывает поступь... Бывает такая поступь –
Точно капли огня и льда по спине ползут.

Как святой, высок – и так же глядит, набычась.
На земле этим ангелам тягостен каждый шаг.
Ах, мой юный рыцарь! Разве и у владычиц
Не бывает ямочки там, где у всех – душа?

Берегись, Джиневра! Дженни, не оступайся!
Не спасет венец, если кружится голова –
Но бывают пальцы, бывают такие пальцы,
От которых нельзя королевских глаз оторвать.

С высоты он склоняет колено, и так смущенно,
Не умея, не смея, не зная сказать еще,
Два теснейших строя, две армии копий черных
Салютуют долгим наклоном до впалых щек.

Нет, не верьте, друг мой, оно искушеньям чуждо,
Это сердце, его голубая кровь холодит...
Но бывает чудо, бывает такое чудо –
Прошептать без дыханья: «Встаньте, мой паладин!»

Ваш хрустальный взгляд – говорят, что в бою он зорок!
Мой озерный герой, где же ваша зоркость теперь –
Не понять, что я бы русалкой в этих озерах
До рассвета готова то плакать, то песни петь!

Нет, не верьте, друг мой, конечно, русалка лгунья –
Заманив на дно, растворится в последний миг;
Но бывают губы, бывают такие губы,
Что вот только привстань на пальцы и обними...

Нет, лишь только шаг! Во всем величии славы,
Королевские руки беспомощно протянув:
- Милосердный мой рыцарь, я не умею плавать!
Отведите глаза, Ланселот, - я уже тону.

Заклинание

Распусти мне, ветер, косы под гребнем –

Свешу с башни пелену из волос.
Изо всех-то заклинаний из древних
Хоть одно бы вспомнать довелось.

И о чем хочу просить – не упомяну!
Помню только, что плеча высоки...
Распусти мне, ветер, занавес темный –
Может, птица попадетя в силки!

Распусти мои свинцовые плети,
Мысли шалые жгутом заплети;
Распусти мне, ветер, волосы – ветер!
Может, дикая душа залетит.

Говорить нельзя, молчать – истомилась,
Ровно в храме полюбился монах...
Ветер, ветер, Ваша вольная милость –
Потревожьте его душу во льнах!

Чтобы билась она, птица, боролась,
Чтобы сердце колотилось в руке, -
Ветер, ветер, повяжи ему волос,
До него не расплетенный никем.

Чтобы в шелковые черные сети
Угодила небывалая дичь,
Распусти мне, ветер, волосы – ветер!
Или сердце разорвется в груди.

1995

Послание

Где бы ты ни был, за чем бы ни гнался, -
Слушай гонимый по свету сигнал сей,
Выстрелы точек, обвалы частот,
Мысленный почерк, сбивающий ток,
Тот, что зовет тебя – слышишь? Запомнишь? –
- В полночь!

Где бы ни стлал бы свой путь бесприметный,
Слушай посланье от встречного ветра,
Каждого облака, каждой тропы,
Дальний и дробный, как топот копыт,
Зов, как рефрен лихорадочных бреден:
- Едем!

Запахом трав и речными свечами,
По телеграфу ночного молчанья,
Глухо и внятно, как да и как нет –
Голос огня в отдаленном окне.
Вечно, бессменно и только однажды:

- Знай же!

Где бы ни рыскал, попутчиком дерзким –
Некуда скрыться и некуда деться!
Полночь не полночь, заря не заря –
Гулкий, как шепот Лесного Царя,
Вьявь, на скаку, в исступленье, в бреду:
- Жду!

1995

* * *

Под небом Господнего гнева, под небом чугунным,
Под небом неверным, неистовым, словно вода,
Скажи мне, любовь моя, кто целовал эти губы,
Те самые губы, что мне не познать никогда?

Под небом рассвета, под небом застенчиво-млечным,
Когда распускает истома свои невода,
Скажи мне, любовь моя, кто обнимал эти плечи,
Те самые плечи, что мне не обнять никогда?

Под небом, заснеженным сказками ветра-скитальца,
Под небом веселым, из самого синего льда,
Скажи мне, любовь моя, кто согривал эти пальцы,
Те самые пальцы, что мне не сжимать никогда?

Под небом невинным, расшитым алмазами ночи,
Под небом безжалостным, небом без тени стыда,
Скажи мне, любовь моя, кто заглянул в эти очи, -
Те самые, что на меня не глядят никогда?

Под небом палящим, под небом, пощады не ждущим,
Под небом беспечным, сверкающим, словно слюда,
Скажи мне, любовь моя, кто покорила эту душу,
Ту самую душу, что мне не поймать никогда?

Под небом проклятым, под небом, пропитанным серой,
Под небом, пунцовым от самой бессонной зари,
Скажи мне, любовь моя, кто получил это сердце?
Скажи мне, любовь моя...
Жизнь моя, не говори.

1996

Мозаика.

Черный.

Глаза, что уже когда-то
Манили издалека:

Два угольные агата,
Вкрапленных в мрамор белка.

Глаза - что гибель, и боль - что!
Затмение, пламя в мозгу!
Глаза, что сулят всех больше,
И неминуемо – лгут

Светло-серый.

А эти - вот разобьются!
Глядящий, робче дыши!
Хрустально-чистые блюда
Насквозь прозрачной души.

Два зеркальца венецийских
Из бархатных двух орбит
Глядят. Эй, стрелок, не целься -
Полмига, как ты убит.

Карий.

Два звука. Тот цвет звучащий,
Которым Вермеер горд.
Две - сверху - китайских чашки
С напитком былых богов.

Две гостьи - обычно женских -
Из мира, что им знаком:
Из мира, где совершенство -
Не более, чем закон.

Серо-зеленый.

А эти - водой проточной
Тревожат речную взвесь:
Не тою, что камень точит,
А тою, где черти есть.

Попавши в такую заводь,
На солнце блестя светло,
Три сотни потопит за год
Бутылочное стекло.

Желтый.

Два глаза, в которых - ад весь:
И вправду острее ножа!
Клинки, на которых надпись:
"Без нужды не обнажай."

Ленивый обман скольженья -
Два льва на своем посту!
Два пушечных желтых жерла,
Нацеленных в пустоту.

Старо, как мир

Старо, как мир? А ты попробуй, справься.
Попробуй, стиснув зубы. Разорви
Кость с мясом. Все безумие в крови? -
Кровь выпусти! Всех жил самоуправство -

Под корень! Потягайся: кто сильнее?
Не думай. Не дыши, не плачь, не помни.
Посмейся над своим дыханьем томным,
Дурман, жасмин и вздохи при луне -

Все пошло, все старо. Чернильный дождь свой
Не проливай: вода, вода, вода!
Так было, есть и будет. Так всегда.
Так надоело. Ты не попадешься.

Ты не из тех. И разве для того
Тебе вложили сердце, дали голос?
Ах, голос! Беспредметная пригодность,
Невероятных звуков вестовой,

Он при тебе еще! Какого черта
Как водовоз, на собственном горбу
Тащить с собой в бессмертие гробов
Измен, обид и подлостей бесчисленных,

Которыми заплачено с лихвой
За встречи, свечи, плечи, ночи, очи?
И ты не можешь больше. Ты не хочешь.
Удел неисчислимых - но не твой.

Ты все порвешь. Тут не о чем писать.
Сюжет избит (о да! ни кости целой!)
Подобным излишням знают цену
Архив, бульвар, сортир и небеса.

Старо, как мир, как самый подлый трюк, -
Ни говорить тут не о чем, ни думать...
Тут можно лишь к виску приставить дуло
Иль отыскать в стене надежный крюк.

1999

* * *

Вторая весна без тебя – да неужто вторая?
Четвертая или двадцатая – кто там считал их!
В небесной конторе со временем что-то соврали
В весенней горячке, в конце рокового квартала.

Накладка ли там с провиденьем, утечка тепла ли,
Часы ли шутник передвинул едва ли не в марте –
Сады раньше времени вскинули белые флаги
И сердце заныло несносно, как старый ревматик.

Заткнись! – говорю, да какое там! Даже не слышит.
Как дятел, как зуб, как точильщик берет за ножик...
Хоть криком кричи, хоть к котам отправляйся на крышу –
Ничто не поможет, мой ангел, ничто не поможет...

Вторая весна без тебя – извините, что мало!
Вторая весна – или, может быть, тысячелетье.
Ни в рюмке, ни в глупых очах подставного романа
Тебя не найдешь, моя радость, тебя не залечишь...

А там, за вокзалом, сирень зеленеет шатрами,
А псы растянули в улыбках веселые пасти...
Такие, как ты, уходя оставляют не шрамы,
А если и шрамы, то на небе – не на запястьях.

По рельсам заката, по стрелкам предательски-алым
Вторая весна отъезжает в девятом вагоне.
Ни в дальнем пути, ни в петле, ни на дне океана
Тебя не найдешь, моя радость, тебя не догонишь...

1999

* * *

Мой драгоценный джентльмен,
Вам ничего не светит,
Поскольку королева Гвен
Прекрасней всех на свете.

Уста как роза, а во рту -
Двойная нить жемчужин.
И муж ее, король Артур,
Известен вам не вчуже.

Вы, к сожалению, не монах,
Но так бывает часто:
Настолько счастлива она,
Насколько вы несчастны.

Она шалит, она поет
Над золотой куделью,
И вы напрасно на нее
Вчера весь день глядели -

Она от вышитых цветов

Не повернула шеи,
Когда вы подняли платок,
Обороненный ею.

Когда псалом о рукавах
Запела, улыбаясь,
Она не глянула на вас -
И вам не подобает.

Струится пламя ста свечей,
И тает воск медовый...
Ну, что за дьявол Вашу честь
Пришил к ее подолу?

Покуда здесь глазели вы
На лик ее иконный,
Повсюду обнаглели львы,
Повыползли драконы;

Вы все забыли здесь, - и вот
Цена за унижение!
Поверьте мне; ваш Галеот
Довольно знает женщин;

Все эти страсти - трын-трава
И весят легче нити...
Мой Бог! Она глядит на вас!
Ну, что же вы стоите?!

2002

Романс

Вы слишком молоды – а я живу на свете
Уйдя в минувшее семь тысяч лет назад...
Какой охотник на меня расставил сети,
Избрав приманкой эти странные глаза?

Какой соперник мне в бою оставил коготь,
Как метку Сигурда, у правого плеча?
Я никогда не полюбила бы такого,
Но кто нас спрашивал - и что нам отвечать...

Когда бы в облике сидящего напротив
Нам позволялось никого не узнавать, -
Меня едва ли соблазнил бы этот профиль
И эта узкая, как профиль, голова.

И в самый выморочный час – не расклепайся
Цепь наших дней – или цепочка на двери? –
Меня ничем не привлекли бы эти пальцы,
И этот голос – ничего не говорил.

Мелькнула тень... Из двери в дверь промчался ветер...
Из уст в уста перелетела пара слов...
Мой друг, поверьте, меньше вас и всех на свете
Могу сказать, что в этот день произошло!

Ни корабля с безликой тенью у штурвала,
Ни колесницы о двенадцати конях...
Мой друг, поверьте, я Вас вовсе не желала –
Я знала твердо то, что Вы не для меня!

Но в час вокзалов, что меняют расписанья,
Но у причала, где пылают корабли,
Вы были молоды – так молоды, что сами,
Все понимая, отказаться не смогли.

Не уколотившись о невидимый терновник,
Никто не минул этот сумеречный час...
Мой друг, поверьте мне, мы оба невиновны,
Но кто нас спрашивал – и что нам отвечать?

2002

Приговор

И за то, до чего бы гадалки не догадались,
Обводя твою руку агатами влажных зенок,
И чего бы не знал Казотт*, ибо сей страдалец
Предсказал королеве плаху – но не Ферзена**

И за то, что на склоне лет на меня проруха
Обрелась – на потеху всего мирового панства;
И за то, что ты сам под мою ледяную руку
(На твоей груди – пламенеющую) попался;

И за то, что настолько с тобою сошлись годами,
Как земля с небесами находится по соседству;
И за то, что при лепке Господь наделил Адама –
Для чего, непонятно, - четырехкамерным сердцем;

И за то, что по слову поэта, крылья голубки
Надо сердцу, чтоб очутиться в чужой ладони;
И за то, что при первом звонке в телефонной трубке
Раздалось «Привет, это я», а не «Настя дома?»;

И за то, что гулять по свету таким глазастым
Надо было бы с ярлыком «не трогать руками», —
Без суда и без следствия ныне бессрочно заперт
В гулких стенах всех четырех моих камер.

2002

*Французский прорицатель XXVIII века, предсказавший Революцию, гибель королевской семьи и собственную казнь.

**Аксель Ферзен, шведский дворянин, поздняя и, возможно, единственная любовь королевы Марии-Антуанетты.

Валькирия

I

Бел, как мел; белее мела;
Помертвелый, как скелет, -
Разве ты не самый смелый
Из рожденных на земле?

За столетие впервые
Грудь наполнилась, звеня:
Разве ты не тот, кто вырос
В этом мире для меня?

Если ты не каждым нервом –
Тот, которого не скрыть, -
Для чего тобою прерван
Сон Атилловой сестры?

Если ты тропою вещей
Ввысь взбирался не за тем –
Что ты ищешь, человеке,
Здесь, на этой высоте,

Где ни мхов, ни трав, ни кочек –
Лед и мертвая скала?
Что ты ищешь, глупый кочет,
Здесь, в гнездилище орла,

Выше всех долин душистых,
Выше ветра, выше вод –
Ты, что сам теперь страшишься
Пробужденья моего?

Так, с высот неуловимых –
В низине, врасая в дерн,
Пробуждение лавины
Созерцает горлодер.

Так глядят, расширя жабры,
Те, что илом рождены...
Если ты не самый храбрый
Из рожденных от жены,

Если сам же, шею быча,

Прячешь в согнутый хребет, -
Для чего искать добычи,
Присужденной не тебе?

Для чего тебе твердыня,
В землю вросшая по грудь,
Меч, который не подынешь,
Лук, который не согнуть, -

И пытаться не усердствуй!
Что забыл в моем дому
Тот, в котором нету сердца –
Вровень сердцу моему?

И – послушай, почему бы
Не спросить – какой азарт
Целовать без спросу в губы
Ту, кому взглянуть в глаза

Сам боишься?...

II

Ну, чего еще ты ждешь?
Слова?
Тетивы ли, что должна прозвенеть?
Усыпи меня, мой вождь,
снова –
Тяжко дышится у них в низине.

И не надо мне весны –
реки ширя,
Пусть уносится по склонам вода...
Мне такие снились сны
на вершине –
Им внизу такого век не видать!

Все напевы их – небесная окипь,
Все бездонности – рукой расплескать!
Забери меня к себе, Одноокий –
Столковалась о бесконных войсках!

Гунны братнины стоят на Дунае,
Скоро памятным местам догореть...
Я опять теперь твоя – ледяная;
Видно, место мое там – на горе.

Там не вылупят глаза: отчего-де
Ростом вышла выше вас – от груди?
Уведи меня назад, отче Один,
Лучше шелком вышивать – уведи!

Не трубите по степям, не хвалите –
Только ветер ваш припев прошуршит...
Усыпи меня опять, повелитель
Войска горнего – и певчей души!

2003

* * *

(Молитва)

Разве знали мы, о чем просили,
На морских лелеемы равнинах?
Смилуйся, о Господи! Верни нам
Хвостовой плавник зелено-синий!

Осуши и благостно, и горько
Слезы дочерей твоих скуластых.
Господи! Верни нам наши ласты;
Ноги - это словно по иголкам!

Разве знали мы, о чем роптали,
Следуя за пенною кормою?
Господи! Верни нам наше море,
Воздух обжигает нам гортани.

Возврати нам жабры, что прорезал,
Господи! Зачем ты нас послушал?
Слишком дорога нам эта суша -
Как по раскаленному железу!

Мы забыли, **что** рвалось и пело,
Что через себя переступило...
Возврати нам в грудь морскую пену.
Сердце - это слишком нестерпимо.

1999

Бродячий сюжет

Ответ на письмо

«Я люблю – значит, я творю этого человека,
и он является таким только вместе со мной».
«Будьте счастливы, любите, моя милая».

(из письма)

Я люблю Вас. Я творю Вас.
Вашу яростную юность,
Ваши бешеные взоры
И немислимый табак.

Я люблю Вас. Я пишу Вас.
Вашу твердость, Вашу шумность
Величавую – грозою! –
Без усмешки на губах.

Я пишу – куда же денусь! –
Вашу мудрость, Вашу дерзость,
Ваши дымные палаты,
Громкий гнев и тихий смех,

Я творю, от ноши горбясь,
Вашу боль и Вашу гордость,
Беспощадную расплату
За такое «быть» и «сметь».

Я люблю Вас каждой строчкой
(Не сердитесь – я нарочно!)
Вашу вольную широкость,
Вашу волю и азарт.

Я творю Вас как умею
(О, как мало! Рыб немее!)
Вашу бороду (пророка!)
И запавшие глаза.

Я люблю Вас. Это срочно.
Это срочно и бесстрочно,
И бессрочно, и отмене
Приговор не подлежит.

Я люблю Вас. Это хуже.
Это дружба. Больше дружбы.
Я творю Вас – все, что смею, -
И жива, покуда жив.

1993

Из шервудского цикла

* * *

Прошу не любви ворованной,
Не денег, не орденов...
А. Вознесенский

До леса четыре мили. Я ранен стрелою в ногу.
До леса четыре мили - но ближе небесный суд...
- Ты рано туда собрался - молчи и не гневай Бога!
Молчи, если только можешь, - а я тебя понесу.
- В уме ты рехнулся, йомен? Я вдвое тебя тяжеле!
Во мне же добрых семь футов - а ты мне был по плечо...
- Не трать понапрасну силы. Оставим слова для женщин.
Мы выберемся, увидишь; а футы здесь ни при чём.
- Ты весь в крови моей, парень! Зеленое стало красным!
Добей меня, Бога ради - как друга прошу, добей!
- Ну нет, помирать - так вместе! Не трать слова понапрасну.
Мы будем идти - и точка; а выбор оставь судьбе.
- Все ближе и ближе топот! Послушай, тебя прикончат!
Бросай меня здесь, ты слышишь? - Они уже на хвосте!
- Колчан мой пока что полон - лови свою смерть, кто хочет!
Собаки спасают шкуры, но мы с тобой не из тех.
До леса четыре мили - и могут сто раз угробить.
Ты волоком тащишь друга, стреляешь и вновь бежишь...
- До леса четыре мили - в уме ты рехнулся, Робин?
- Ну что же, могло быть больше - держись, потерпи, Малыш.

Когда ножевые раны саднят и сочатся кровью,
Когда одинок мой голос, а свод беспощадно сер,
Во всю ширину экрана - как только глаза закрою -
Я вижу дорогу в поле, и двое - противу всех!
И что за смешные басни - истории всех Орестов!
И что за убогий лепет - причины людских измен!
И я за свою кончину - неведомы час и место -
Одной лишь такой минуты у неба прошу взамен.
Пуускай не видать удачи. Пуускай – пропадать не минуть.
Пуускай штурмовать до гроба твердыни всё тех же стен,
Пуускай на хвосте погоня - до леса четыре мили,
Но было бы с кем, Всевышний! Но было бы только с кем.
Вдвоём на открытом поле - хотя бы и против тыщи,
По-волчьи оскалив зубы, роняя кровь, как росу...
Звучит по векам и весям: "Оставь меня здесь, дружище!"
Но есть неизменный отзыв: "Не бойся, друг, донесу!"

Песня Вилла Статли по дороге на виселицу

За дерзкий взор, за бунтовские речи,
За кровь моей погубленной семьи,
Вели, шериф, связать мне руки крепче -
Натруженные, верные мои.

За пепелище брошенного дома,
За то, как выл я, землю колотя,
За силу всей тоски многопудовой
Вели, шериф, вели мои ладони

Проворнее прикручивать к локтям!

За все перенесённые лишенья
В безоблачное небо воспарив,
За все грехи сегодня платит шея.
Вели связать мне руки, сэр шериф!

Вели связать мне руки чин по чину
За то, что замок ими подождён.
Так поступают в Англии мужчины!
Вели же их связать - ты научил их
Орудовать не плугом, а ножом.

За то, что нелюбим и неугоден,
Подвесь меня поближе к небесам:
Свобода на земле, где ты свободен,
Давно уже годится только псам.

Сегодня я иду, легко ступая,
Я кровью оплатил свои счета, -
Счета, что в грудь впиваются шипами!
Пока я жив - не угасает память,
И ты меня повесишь неспроста.

Вели, шериф, вели поторопиться -
Пускай проворней тащится конвой.
Я помню все долги, и в этом списке
Сегодня ты - единственный живой.

Молись, шериф, молись душонкой куцей
За каждый узелок твоей пеньки,
Не то ведь я могу и дотянуться,
В последний раз - могу и дотянуться
До горла - только хрустнут позвонки!

И чтобы избежать последней встречи, -
Давай, шериф, валяй, шериф, не трусь! -
Вели, шериф, связать мне руки крепче,
Когда я закачаюсь на ветру.

Я, как король, шагаю под конвоем,
Ты, словно вор, трясешься на коне,
И если в это утро роковое
Ты спросишь о моей последней воле, -
Вели связать покрепче руки мне!

**Речь Маленького Джона,
обращенная к виселице**

Над целой страной воронье парит
И славит тебя, вдова!

Пока ты сама для себя шериф,
Им будет чего клевать.

А свято место, как говорят,
Не будет пусто вовек, -
И снова, как только взойдет заря,
Найдут жениха вдове.

А ей все равно, кого обнимать,
Пеньковой рукой обвив...
Была ты отменною шлюхой, мать,
И разве что тот, кто сошел с ума,
Не ценит твоей любви!

Почетно прийтись тебе по нутру:
Ты ждешь не рыбы - мясца!
Еще ни холуй, ни подлец, ни трус -
Клянусь! - с тобой не плясал,

Как все мы однажды будем плясать,
Вываливая языки...
Ей-ей же, вдова, я, пожалуй, сам,
Не чая почетнейшего конца,
Просил бы твоей руки!

Послушай, вдова во веки веков,
Почтеннейшая вдова!
Пока для тебя ворожит закон,
Тебе не след ревновать.

Пока ты повсюду, где есть земля,
На запад и на восток,
Стоишь выше лорда и короля, -
Тебе не бывать пустой!

Проклятая б..., ты будешь стоять,
Покуда мир не сожжен, -
Так слушай - к тебе обращаюсь я,
Твой суженый чуть не по всем статьям
По кличке Маленький Джон!

Я голову в петлю твою кладу,
Клянусь на твоём шесте,
Что тот, кого нынче сюда ведут,
Не ляжет в твою постель!

Пускай у других трясутся хвосты,
Вдова, от твоих забав, -
Но тот, на кого замахнулась ты
Сегодня - осинового ты костыль! -
Придется не по зубам.

Ты учишь молчать, ты велишь не сметь,
С тобой шутить не к добру, -
Но Богу придется за нас краснеть
В тот день, когда больше никто на смерть
Не выйдет за слово "друг".

Шериф тебе сват, и король твой зять,
И дьявол брат твой родной, -
Вдова, над землей ты царишь, грозя,
Но если ты Вилли вздумала взять -
Сперва сквитайся со мной!

1992 – 1993

Ламме Гудзак

По долам, где бродят тучи,
По горящим деревьям,
Погоняет мой попутчик
Длинноухого коня.

По дорогам нашей славы,
Где пылает каждый куст,
За спиной его костлявой
Я безропотно плетусь,

Час рожденья проклиная,
Щуря влажные глаза...
И давно бы, между нами,
Мне пора ему сказать:

Ты в походе в ус не дуешь,
Ты, как буря, рвешься в бой –
Но зачем же я-то, дурень,
Увязался за тобой?

Мне же – совестно признаться
В этой маленькой беде –
Дела нет до Реформаций,
Революций и те де.

Это пузо, эти щеки
Никакой не скроет щит.
Мне ничей неотомщенный
Пепел в сердце не стучит.

Мне тоска не множит годы,
Городам теряя счет...
И на черта мне свобода?
Мне бы женку под бочок!

Мне бы спать в своей кровати,

Мне б хлебать свиные щи...
Я же просто обыватель –
Ну, какой я бунтовщик?

Что мне буря? Что мне пламя?
Мне бы портера стакан!
Я всего лишь толстый Ламме,
Ламме – жирные бока,

Не того полета птица,
Чтоб испытывать судьбу...
Только вдруг с тобой случится –
Ну, не знаю... Что-нибудь?

Вдруг в бою, судьбу слепую
Погоняя, как хмельной,
Подвернешься ты под пулю
Неприкрытую спиной?

Или, помня свой отпетый,
Свой неписанный закон,
Сам себе накличешь петлю
Неумным языком?

Иль дорогой ошибешься
В этой яме гробовой?
Иль за первой же бабешкой
Прыгнешь в омут головой?

Иль врагу в его же стане
Попадешься, баламут?
Или хворь к тебе пристанет –
А выхаживать кому?

А чинить тебе одежду?
А бинты тебе менять?
Да ведь ты же пропадешь же
В этом мире без меня!

Сам себя надев на вертел,
Растеряешь потроха...
Говорят, что ты бессмертен –
Я не знаю. Не слышал.

Только лить с тобою слезы
Мне до Страшного Суда...
...Где тут, братцы, лагерь Гезов?
Где бы ни был – нам туда!

Последний выход

Рубашка порвана. Камзол распахнут.
И кровь стекает стружкой по бедру.
Отчаяние ладаном не пахнет.
Со мной покончено, Гораций, друг.

Мои кишки и жилы намотало
На шестерни невидимых кулис.
Пусть подождут четыре капитана,
Они на сцену рано поднялись.

Пусть подождут. Тебе загладить нечем
Мою неразведенную вину.
Боюсь, что я с отцом уже не встречусь
И призраком на сцену не вернусь.

Боюсь, не шпага это совершила,
Не рок и не король. Никто другой,
Как декорационная машина
И пьяный дуралей у рычагов.

Боюсь, что смерть по сути так нелепа,
Что только оскорбит служенье муз.
Боюсь, что целый зал вернет билеты,
Когда я на поклон не поднимусь.

1999

Книга пророчеств

* * *

"Отпусти мой народ!" - и нет тишины бездонней,
"Отпусти мой народ!" - и снова лишь ты и он.
Ты совсем невелик - уголек на Божьей ладони,
Одинокий проситель меж лотосовых колонн.
"Отпусти мой народ!" - его ничем не умаслить,
Но тебя ведь тоже ничем - недюжинный сорт!
Ты оперся на посох. Глядишь в державную маску,
Маску будущей мумии в этой стране мертвецов.
"Отпусти мой народ! Из грязи нильского устья,
Из-под сытного гнета - в чистейшую из пустынь
Отпусти мой народ! Я знаю, ты не отпустишь.
Чтоб тебе вовек не узнать меня - отпусти!
Отпусти мой народ - бездомный, нищий, гонимый.
Для тебя это ново? Но это, как мир, старо:
Ты не слышишь волны? То голос вещего Нила,
Голос крови твоей земли: "Отпусти народ!
Отпусти их народ, нездешним солнцем политый".
Египтянин, ты слышишь? Внемли голосам богов!
"Нам темна эта речь! У них не наши молитвы,

Не для них наши храмы", - тревожно клекочет Гор.
Отпусти мой народ, своим богам повинуюсь;
Разве ты не слышал? Во тьме захватило дух:
На пологом холме шакал - а, может, Анубис, -
Заливается песней печали, чуя беду.
Отпусти мой народ! Глупец, кичащийся расой, -
Эта раса исчезнет и новые станут быть...
Отпусти мой народ - народ, отвергнувший рабство,
Ибо с этой минуты рабы - не твои рабы!
Отпусти мой народ - а там какими путями
Поведу его я - уж это наши пути!
Отпусти мой народ. Отпусти его, египтянин,
Не дано удержать того, кто хочет уйти.
Отпусти мой народ туда, где раскинем лагерь,
Где уходит Синай в глубину грозových небес.
Отпусти. И не надо петь о нашем же благе.
Мы найдем наше благо, а это - оставь себе.
Нет, не Бог оковал твой ум броней господства,
Нет, не Бог диктовал твоё безумное "нет"!
Отпусти мой народ! Как этот брошенный посох,
Кровь египетских первенцев пала на твой венец.

1995. Осень. Оккупация Чечни.

* * *

Без пути лежу я у дороги,
Великану не обжечь виска мне.
Плачь, Исая, обо мне, о камне,
Чей не пробил час тысяченогий!

Без пути в углу своем ветшаю,
На силки пойдет крученный шелк мой.
Плачьте, люди, обо мне - праща я,
Что не пригодилась пастушонку!

Но страшнее боль моя, и лют мне
Каждый отзвук, каждый закоулок, -
Плачьте, сестры, обо мне! Я лютня,
Не заморозившая Саула.

1998

Тосканский тетраптих

1. Изгнанник

Тоска - потому что тосканец.
Тоскана - обитель тоски.

Тоску за собою таскаю
До самой последней доски.

В аду, Ватикане, Болонье,
И въяве, и чаще - во сне -
Флоренция! - граем вороньим, -
Флоренция! - с боем хоронит, -
Флоренция! - там, где нас нет!

Господь мой! Высокий хорал мой,
Мой разум загнавший в тиски,
Зачем так черно и упрямо
Малы мне и муки, и мрамор
Без этой последней тоски,

Которой вовек не найти мне,
Которой дышу я, ища
Не в синих очах флорентиек -
Флоренции синих очах!

Флоренции, жгущей кострами,
Флоренции, места пустот...
Флоренция! - синью отравлен,
Флоренция! - пепел от храма,
Флоренция! - мой небосток!

Одною рукою лаская,
Другою - что, Боже, творишь?
Не гнезда высокого стана -
Костры - Иудея, Тоскана,
Варшава, Россия, Париж...

2. Флоренция

Ни сладкой Венеции тинистый яд,
Ни слава Ла Скалы -
Ничто не тревожит в пределах чужих,-
Ни мира, ни Рима.
Из светлого камня твердыня твоя,-
Ай, сердце Тосканы!
Из светлого камня твои рубежи -
Del pietra serina.

Порталы соборов, кварталы купцов
И, в щебете черни,-
Браслеты мостов на пологих плечах
Неспешного Арно...
Небесного камня - твой облачный сон,
Душа Боттичелли!
Небесного камня твой каждый причал,

Мой жемчуг непарный.

Бывает, в названьях почти нелюдских -
Не знаю, за чем-то -
Тоска и утеха, свиданье и смерть,-
Твой образ лукавый...
Из синего камня твои лепестки,
Цветок кватроченто!
Из синего камня твой ласковый смех,
Из синего камня.

Как дама с картины,прекрасна; как та -
Горда и невинна.
Как дама сказаний, своих не щадя,
Сгубившая сонмы...
Из белого камня твой каждый портал,
Гордыня Давида!
Небесные плиты в твоих площадях -
Флоренция! Солнце!

Хотя бы вслепую бродить по стене,
От двери до двери,
Хотя бы не въяве тебя увидеть
Дай, Боже! Но не дал...
Из горького камня твой серый венец,
Звезда Алигьери!
Из синего неба твои невода,
Из синего неба...

3. Холокост в Италии

И в эту ночь слышалось: "Восстань!"
И снилось мне: Давид оставил пьедестал,
Великолепный, юный, безбородый,
И обратился он к ваятелю святынь:
"Я послужил тебе во имя красоты,
Я охранял твою Флоренцию; а ты,
Ты был стеной для моего народа?"

И видели тогда, как расступилась зыбь,
И тот, кого он звал, явился на призыв, -
Уродливый, бесстрашный, благородный, -
Ладони он сложил, - и раскололась твердь.
И он взмолился: "Господи, ответь:
Как должен я теперь в глаза смотреть
Ему - во имя Твоего народа?"

И в эту ночь слышалось: "Восстань!"
И Он сошел со Своего креста,
И обгорелыми стопами шел по водам

На фоне полыхающей зари, -
И, обернувшись, Он сказал: "Смотри,
Ведь это я и мать моя горим
В чудовищных печах, и нас уносит дым,
Оставшийся от нашего народа."

4. Буонарроти

Когда устали старческие спазмы
Измученное тело сотрясать,
Каким тебе обещанным заказом
Творец тебя увлек на небеса?

Он знал тебя, твой нрав необоримый,
Из-за него, строптивейший из слуг,
Ты оставлял Флоренцию для Рима
И ремесло - в угоду ремеслу,

Служа не папе, но всему земному
В его лице (не все ль равно - в каком?)
Тебя для мира было слишком много,
И в этом весь секрет. Ты был влеком

Иной рукой, когда по слову: "Вот он!"
Открыл глаза навстречу всем скорбям.
Ты знал работу. Жизнь была работой.
Когда в глубокой старости тебя

Позвать на пир явился господин твой,
Ответы были грубы и тверды:
"Повремени, Всевышний. Не родился
Еще, кто завершит мои труды".

И отступал, не находя ответа,
Всеведущий. И множились года.
И ты свои бесчисленные лета
Похоронил под глыбами труда.

Но в них душа - трепещущие ножны -
Раскрылась в ожидании клинка...
И вот по этой боли - невозможно
Не догадаться, кто он - тот художник,
Что Господу ваяет облака!

1992 – 1998

Ветер времени

Подражание Киплингу

Когда вы сыты видом красот
В забытой Богом дыре;
Когда у вас прислуга за всё
И восемь поводырей;

Когда вы вспомните счет секунд
От сотни до восьмисот;
Когда вас ветер на всем скаку
С коня и седла снесёт;

Когда от взгляда вскипит смола,
От вздоха порвется ткань;
Когда терпение - пополам
От первого же глотка;

Когда вас звуки бьют по мозгам
И строки по горлу бьют;
Когда вам тесен стал Зурбаган
И слишком скучен Гель-Гью;

Когда весь мир, едва протрезвев,
Подставит уши молве;
Когда с цепи срывается зверь,
Которому имя - Век;

Когда ни шеф, и ни мать с отцом
Уже не подскажут - как;
Когда у лошади вдруг - лицо,
И морда - у седока;

Когда по дну царапает киль,
В замок не лезут ключи;
Когда вы правой от левой руки
Не можете отличить;

Когда вам совесть жмёт, как корсет,
А компас бешено врёт, -
Тогда... пошлите к дьяволу всех.
Блокнот в кармане? - Вперед.

1995

Театр абсурда

Если бы была картина века,
Вот бы к ней, пожалуй, и заставка:
В зеркале - отчаявшийся Некто,

Носорогом так-таки не ставший,

Без успеха морду носорожью
До сих пор пытающийся скорчить...
Ладно бы, что все-таки не может,
Да ведь жутко то, что очень хочет!

1995

О любви

В который раз, ни рук, ни ног не чуя,
Твержу одно, эпитеты изъяв:
Благословен Господь, что создал чудо;
За остальное - Бог ему судья.

1995

* * *

Я о тебе под похоронный звон,
В почтении к покойнику заверив,
Скажу: в тебе не Моцарт погребен -
В тебе, моя душа, погиб Сальери.

1995

* * *

Кстати, мы напрасно негодуем
На общедурацкое засилье:
Вдруг, когда умрет последний дурень,
Умники начнут спасать Россию?

1995

Еще о любви

Как элементарно и гуманно,
Без пустой и пошлой укоризны,
То, что век назад звалось романом,
Приняло размеры афоризма...

1995

О свободе

Где она, царица упований?
Там, где пела, там, где воевала.
А когда уже завоевали,-
Надо уходить, как Че Гевара.

Чтобы не текли за годом годы,
Чтобы не понять, околевая:
Вся свобода - битва за свободу,
И иной свободы не бывает.

2000

Просьба к Создателю

Э. Менделевичу

Я, как слеза, у Тебя на реснице колеблюсь,
Знаю, что скоро скользну по усталым щекам.
Дай же мне только успеть на последний троллейбус,
Тот, что скучает в ночи по своим седокам.

Мы - талисманы, которыми Ты окольцован,
Ты нас роняешь, когда мы не слишком прочны.
Дай же нам только успеть на последний, бессонный,
Самый бессонный из всех непутевых ночных...

Мы обязательно встретимся, серый мечтатель,
Где-то давно растерявший свои номера, -
Тот, чей маршрут, начинаясь на Старом Арбате,
Нас на Васильевский остров ведет умирать.

Где-то в проулках, глаза добродушные вперив
В темные окна, слоняется сонный чудака...
Пусть же они оборвутся за ним, а не перед, -
Нашей судьбы перетертые сплошь провода.

То умолять об отсрочке, то думать - скорей бы! -
Зная, что разница, в сущности, невелика:
Только бы, только успеть на последний троллейбус,
Чьи провода исчезают в ночных облаках.

1995

*Fin de siecle**

Порой бывает странно жить на свете –
Как будто можно выпытать судьбу.
Как будто образ «грань тысячелетья»
И вправду означает что-нибудь.

Вот завтра выйдут, пьяные от счастья,
Размахивая свежей «Фигаро»,
И трижды прокричат: «Король скончался!»
И трижды вслед: «Да здравствует король!»

И мертвеца схоронят всем на зависть,
Швырнув в могилу шпагу и перо,
И вспомнят, что покойник был мерзавец,
И даже заикнутся, что герой.

(Поскольку этот час не знает средних
Эпитетов). А после будет сон.
Но там, в тумане, прячется наследник,
Никем еще не виданный в лицо.

Он движется – а я не знаю, кто он! –
И нас, и времена перехитрив,
Как будто холст умело загрунтован,
И должен появиться первый штрих...

2000

* – Конец века (франц.).

* * *

Благодарю Тебя за все мое богатство:
За руки и за слух, за упоенье глаз;
За яркость красоты, которая угасла,
За яркую судьбу, что так и не сбылась.

Благодарю Тебя за вкус воды и хлеба,
За запахи земли, за звонкость мостовых;
Благодарю тебя за каждого, кто не был
Моим, но мог им быть; за шорох той травы,

Которую скосить рука моя не властна,
Но властна все же знать ее упругий вкус;
За вкус горячих губ - и за незнание ласки;
За все, что не манит; за все, к чему влекусь;

Благодарю за свет, за звук, за осязание,
За голос и гортань – за чудо из чудес;
За влагу и за соль, что мы зовем слезами;
За сон - последний дар, который знаем здесь.

За похоть и любовь - единственные звенья,
Способные связать несвязанную нить;
За голод и еду; за память и забвенье;
За дар молчания и прелесть болтовни;

Благодарю за речь - за трепетный, нервозный
Ток этого моста - от нищего к царю!
Благодарю за свет. Благодарю за воздух.
И все-таки, за смерть - стократ благодарю.

1998

За тех, кто в пути.

Благослови, - теперь, когда заныли
Усталые глаза и голос тих, -
Благослови, Господь, пути земные,
Благослови небесные пути.

Благослови, - дабы не загорелся
Мотор, услышав помыслы твои, -
Благослови лазоревые рельсы

И пыльные земные колеи.

Благослови от дали и от пыли,
Благослови от рубежей и царств;
Благослови дюралевые крылья
И ветром разнесенные сердца.

Благослови, - покуда синева нам
Поет о шторме с пеною у рта, -
Благослови морские караваны,
Благослови машины и борта,

Благослови натруженные вены
И – в самые лихие времена –
Благослови тоску по переменам,
Тобою же заложенную в нас.

Благослови все то, что разрезает
Пространство ради замыслов и бурь:
Благослови рутину и дерзанье,
Благослови непрочную судьбу,

Благослови. Оставь ее длиннее,
Чем это за секунду видишь Ты.
Да устоят опоры и тоннели,
Не подведут плотины и мосты;

Да не обманет мыс Твоей Надежды
Наш роковой беспомощный азарт...
Да выдержит обшивка. Да удержат
На ледяной дороге тормоза.

Плутающий в метели – да не встретит
Свой час вдали от крова и тепла!
Свети ему. Да не залепит ветер
Широкий лоб ветрового стекла.

Да сбудется по сказанному слову
Для каждой из молящихся в тиши:
Да вдалеке не оборвется провод
И ветер да шагов не заглушит.

Из искр, Твоим дыханием невольным
Рассеянных над пропастью без дна,
Пускай не вспыхнет пламенем сегодня
И, вспыхнув, не погаснет ни одна.

Оставь, не обрывай хотя бы ныне
Едва-едва мерцающий пунктир...
Благослови, Господь, пути земные!
Не для меня. Мне некуда идти.

* * *

Что ми шумить,
что ми звенить –
далече рано пред зорями?

Слово о полку Игореве

Если пути себе под ноги стелешь,
Не разбирая, гнушаясь перил,
Значит, душа не находится в теле,
Значит - на поиски, черт побери!

Если за вычетом горних и дольних
Не остается на скудную жизнь,
Значит – сотри начертанья с ладони
И на ладонь эту мир положи.

Дальше от тяги к родимой могиле,
Дальше от ложа, где Бог постелил;
Пусть на забрале кукуют другие –
За шеломянами твой властелин.

Если однажды расстанется с телом
Эта слепая горячая ртуть,
Некогда ждать свое сердце на стенах –
Надо коней загонять на лету,

Стены оставив усталым и робким,
Снова и снова опробовать взлет...
Полую грудь, как пустую коробку,
Ветер подхватит и враг не возьмет.

Легче, чем голубь, горячий и быстрый,
Мчи напролет через ночи и дни,
Ибо душа, пожелавшая сбыться,
Тянет к себе, как далекий магнит.

Мчи же, дыша горячее и чище,
Мчи от себя, от страстей и от пут,
Ибо никто за тебя не отыщет
Только тебе предназначенный путь.

Здесь не торгуются, здесь не играют,
Здесь не мирволят спрядающим шерсть!
Мир на ладони – от края до края...
... Да не погибнешь, еще не дошед.

Мы плывем за Моби Диком

Вымпела на мачтах взмоют
У дозорных на глазах;
Мы пустились через море
Сто тринадцать дней назад;

Нардом, розой и гвоздикой
Тянет ветер на восток –
Мы плывем за Моби Диком,
Адмиралом всех китов!

Кто боится дней нечетных,
Кошек черных – марш домой!
Нами правит в лапы к черту
Наш отчаянный хромой.

От седин его сердитых
Пеной взбит морской простор:
Мы плывем за Моби Диком –
Адмиралом всех китов!

Смейтесь, дети, плачьте, жены,
К черту латаный рукав!
Бог не любит береженных –
Это мудрость моряка.

Это дерзость, это дикость,
Это юность бунтарей:
Мы плывем за Моби Диком –
Повелителем морей!

Пусть другие мелкой дичью
Обагрят гарпуны;
Нашей дичи ребра бычьи –
Рев Эоловой струны.

Океаны бороздит он
Как лосось – речной поток;
Мы плывем за Моби Диком –
Адмиралом всех китов!

Страсть и слава канут в Лету,
Власть и деньги примет черт,
Но могил, подобных этой,
Той, что нас к себе влечет,

Нет – клянусь дозорным криком
Над распятиями рей!
Мы плывем за Моби Диком –
Повелителем морей.

Отливающие ртутью,
Волны бьют у мыса Бурь.
Будь же проклят, кто отступит,
Повстречав свою судьбу!

Смерть, морская Эвридика,
Жди Орфея на заре! –
Мы плывем за Моби Диком –
Повелителем морей.

2001

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ

Песни с Лемноса

* * *

Брови дугами, с вершинами вровень,
А ресницы против нашего - втрое!
Мало в городе таких, как Мероя,
И не слыхано, чтоб краше Мерои!

Глина с золотом лицом обменялись -
Ни с отцом тебе, ни с матерью сходства!
У Мерои жарче неба румянец,
У Мерои позолота на косах!

Заглядишься - и от зависти ноют
Очи грешные: на солнце не зарься!
А глазищи - быстрина быстриною;
Век живите - не найдете глазастей!

Ой, подруги мои, где окоем тот,
Чтобы с парюю да ей повстречаться?
Выйдем на берег, споемте, споемте -
Загадаем на Мероино счастье!

За тебя одну, до пены, до крови,
Море с берегом три ночи боролись...
Мало в городе таких, как Мероя,
Только муж-то у Мерои - уродец!

Морда набок, поглядишь - станет худо;
Сам не свой от виноградного сока!
Мало толку, что сама ты красотка,
Если муж-то твой - лахудра лахудрой!

Зорко глянули глаза твои - льдины,

Знатно молвили уста твои алы!
Много ль, золото, дорог исходила?
Чай, три месяца его выбирала?

Али думала - силен головою?
Али до смерти во сне испугали?
И добро бы кто тебя приневолил -
Так ведь волею, своими ногами!

Солнце утреннее, кто твой желанный? -
Дотемна не показаться из дома!
И на что тебе глаза-океаны?
И на что тебе коса до подола?

Чуть Мероя дома ставни раскроет -
Все вороны разлетаются с кровель...
Не завидуйте, подруги, Мерое -
Нету в городе таких, как Мероя!

* * *

Тенями, богинями,
Звездами клянусь тебе:
Пуще стереги меня,
Верную жену свою!

Затемно и засветло,
В будни и в торги
Пуще, чем глаза свои,
Плешь побереги!

Сторожи над пропастью
Ткань мою и тень мою:
Уж растут-торопятся
У тебя на темени -

Всю родню высвистывай,
Ставь под паруса! -
Знатные, ветвистые, -
Мужнина краса!

Прелый лист подсушенный
Вскапывай копытами,
Не дремли - подслушивай,
Не зевай - выпытывай!

Семь замков немислимых
К каждому окну! -
Все равно не выследишь,
Как улепетну!

* * *

Ой, забудешь меня, забудешь -
С корабля ладонью помашешь!
Ой, глаза у тебя не наши -
Как маслины блестят на блюде!
Да и рот у тебя накрашен...
Да и смотришь, не так, как люди...
Ну тебя к растакой мамаше -
Может, сглазишь, может, засудишь,
Может, зубы вонзишь, как в студень,
Да и высосешь до костяшек...

* * *

Ай, Клеа, звонкое имя,
Глаза как черные солнца!
Какой хоровод бесовский
Играл с глазами твоими

И в них остался навеки?
Ай, Клеа, горные реки –
Три тысячи струн звучащих! –
В груди, как в бронзовой чаше.

Ай, Клеа, светлая грива!
Как рокот в груди тигриной,
Как эхо в волнах янтарных,
Как царственный звон китары –
Все струны, справа налево! –
Твой голос, Клеа.

Ай, Клеа, пламя на Иде!
Блажен, кто тебя увидел.
Ай, Клеа, дитя мгновенья!
Пропал, кто тебе поверил.

Ты просишь песню о муже? –
А он тебе нужен?

Прими совет добровольный:
Как снова флягу нацедит,
Сведи его в хлев, Цирцея, -
И оба довольны!

Пускай сопит себе сонно
Из теплого хлева...
Зачем тебе муж, Клеона,
Красавица Клеа?

Зачем тебе муж, высокой?
Веревка на выю!
Лишь ты на улицу выйдешь –

Сбежится их сотня!

Как вороны вслед за павой –
За самой лукавой.

За сердцем силы безмерной,
За смехом влюбленным...
Ай, Клеа, сладость измены,
Ай, Клеа, Клеона!

Кто взор навстречу поднимет –
Утратит надолго сон свой...
Ай, Клеа, звонкое имя,
Глаза как черные солнца!

* * *

Рассказать бы во морском во народе –
Все бы море в ту же ночь обмелело:
Пьяный муж от раскрасотки Мерои
В оба глаза так и смотрит налево!

Что за ухарь у чужого подола? –
Выйди на реку, лягушку потискай!
И кому же ты сгодишься, стыдоба, -
Даже трезвый, а не то что в сосиску!

Ой, подруженьки, лампаду зажжемте,
Чтоб от смеха голова не болела!
Пьяный хмырь от раскрасавицы женки
Не шутя засобиралися налево!

Вся-то улица искала до пота –
Где же нянька для такого младенца?
Чай, и выпить бы пропала охота,
Кабы в кружку на себя погляделся!

Борода-то – что свиная подстилка,
А спина-то кочерги не прямее!
И к кому же ты, дурак, подкатился?
Честь немалая – к самой Дилломене!

Ой, подруженьки, молву услышала –
Да такую, что во сне не помстится!
Ой, нацелился осел на кифару,
Раскудахтался индюк на Жар-Птицу!

Морда редькою, носище поленом –
Не поверишь, так пощупай руками!
Чай, другие не ослепли покамест,
Коль жена-то у тебя ошалела!

Кабы стал бы посреди огорода –
Воробьи бы за версту не присели!
И куда тебе, дурак, от Мерои –
Огородному царю Одиссею?

Аль не видел, что глазенки-то крохи,
А за волосы-то черти таскали?
И куда тебе, глупцу, от дурехи –
Кто же кроме-то тебя приласкает!

Ой, молодчики, дорогу герою –
Прямо в лужу да на улице темной!
Ой, сидел бы ты, дурак, при Мерое,
Да точил бы ты свои веретена....
(1999 – 2003)

Из «Митиленских песен»:

* * *

Пред тобою, владыка сильный,
Посейдон, повелитель сини,
Наземь падаю. Не посетуй:
Не за то, что коварней всех ты;

Что, начало всему, что суще,
Правишь морем, колеблешь сушу;
Что весь мир пред тобою – оземь;
Что силен, господин, и грозен;

Не за то, что коней склоненных
Выи – волны – превыше неба;
Не за то, что числа и сметы
Сам не знаешь им – не за это;

Не за тайны, что мир не знает;
Не за бездны, которым дна нет;
Не за то, что смерть в твоём зеве,
А за то, что отец – Тезею!

2001

Из «Песен вольного племени»:

* * *

Здравствуй! Какие взрастили тебя края?
Дали морские?
Родом из Лакедемона, дитя? – А я –
Из Фемискиры.

Вскинув глаза, полыхающие от войн,
Злые в охоте,

Хочешь, сочтемся оружием? Выбор твой –
Меч или когти?

Здесь, на краю Ойкумены, на валунах
Пенной Колхиды –
Хочешь, померимся силами? Выбор наш:
Сталь или хитрость?

Ты – свои челюсти, я – свою лисью пасть
Стиснем, товарищ?
(Матери в детстве обоих учили – красть
Не признаваясь!)

Хватки моей разомкнуть – не найдешь ножа;
С мясом придется!
(Матери в детстве обоих учили сжать
До крови десны...)

Так, через пальцы песком упустив года,
Царства и тени, -
Милый! Того, что украдено, - не отдам.
Ставь на потере

Крест, потому что теперь не найдешь с огнем.
Выслушай сказ мой:
Есть ненасытная проголодь день за днем:
Вечные спазмы

Где-то под ребрами. Вгонит в любой кураж
Горсточка проса!
Есть на Земле беззаконнейшая из краж:
Вечно без спросу.

Есть между зелий, пьянящих сильнее вина,
Сок галаадский...
Друг! Потягаемся славою, выбор наш:
Смерть или ласка?

Чутко ступая, клыки на любую молвь
Щеря по-волчьи,
Друг, поравняемся главами? Выбор мой –
Вслух или молча...

Но состязаясь в уменье молчать, как тень,
До почернения,
Лакедемонянин! Бойся моих когтей:
Закоченеют –

Век не избавишься. Знал бы, во что ты ввяз,
Юный безумец!
(Матери в детстве вот так обучали львят:
Жив, значит зубы

Стиснуты. Перед такими клыками – грош
Сталь боевая!)
Лакедемонянин, если меня убьешь –
Ибо живая –

Пусть даже очи затмились и веки льдом
Отяжелели –
Не выпускает добычи шальная дочь
Пентезелеи –

В серой пустыне, в сиянии пенных брызг,
В горе и в танце
Вспомнишь лисенка, что сердце тебе прогрыз,
Отрок спартанский!

Чужой секрет

Если б ты не раскрыла рта,
Зная об этом,
Не взошла бы звезда Иштар
Перед рассветом;

Позабыла бы ночь росой
Выстелить поле;
Обернулась морская соль
Каменной солью;

Позабыл бы, когда светить,
Месяц двурогий;
Повернуло бы с полпути
Солнце в дороге;

Реки сдвинулись бы, гора
С местом рассталась!
Завтра минуло бы вчера,
Ветхая старость

Стала вновь после стольких лет
Внучкой курчавой...
...Если б знала ты мой секрет
И промолчала.

1999 – 2003

В круге девятом

Из цикла "Miser Catulle"*

Отшумело застолье, и слуги допили яд.
Каплет масло из факелов, пьяным пятная лбы.
Никогда ты меня не любила, любовь моя, -
Десять чанов вина не заставят о том забыть.

Шевелится дремотное время в сухом плену
Тишины. Я опять один. Я не в силах пить.
Я запродам бы душу за пять соляных минут -
Оглянуться хоть раз на незримом конце цепи

И порвать ее снова. Пускай похмельная муть,
Пусть рассвет, как улитка, ползет, и спасенья нет...
Тяжело умирать одному и пить одному, -
Но не так, как моей любви тяжело во мне.

Я, как в камере, заперт в груди, я уперся лбом
В средостение боли и болью моей дышу -
И ни хмель, ни вода не глушат еле слышный шум:
Никогда ты меня не любила, моя любовь.

А рассвет моей ночи уже подпалил края,
И раздавлен в руке мой кубок, и стих мой спет...
Никогда ты меня не любила, любовь моя, -
Вот и все, что смогу написать на своей доске.

1999

* – «Катулл измученный...» (букв. «бедный Катулл») – начало знаменитого стихотворения упомянутого поэта.

* * *

Так вот и ходишь - ни зло, ни услада.
Неприглашенный на здешнем пиру.
Так вот и ходишь - калиф по Багдаду,
Неузнаваемый ночью Гарун.

Платьем задели, окликнули, или
Кров разделили с тобой пополам, -
Знали бы, нищие, с кем говорили!
Знала бы, женщина, с кем ты спала!

До невозможности к вам притираясь,
Сердце смеется и падает дух:
Если бы знали вы, с кем препирались
Из-за объедков в обжорном ряду!

Если бы знали, - за кислыми щами
Не замечавшие шепота лет, -
Если бы знали, кого поучали
Жить на е г о, а не вашей земле!

Вы, чьи года исчисляются днями,
Чьи обольщения - глина из глин;
Если б вы знали, кого соблазняли
И отчего соблазнить не смогли...

Так вот и ходишь - в оборванном гиде
Уличном прячась за жалкий барыш, -
Так вот и ходишь; и слышишь, и видишь,
И притворяешься, что говоришь.

Мир, вдохновленный отсутствием даты,
Старый базар дарового жилья,
Если бы знал ты, какой соглядатай
Бродит по пыльным твоим колеям!

В ношеном платье, в одолженном теле,
Странном - и явно с чужого плеча, -
Так вот и ходишь - неузнанной тенью
По бесконечным багдадским ночам.

Не оставляя ни дома, ни сына,
Не подвизаясь на поприще дел,
Так вот и ходишь - пожизненный ссыльный -
По балагану своих площадей,

Не приближаясь к застолью со снедью,
Вьется в пыли исчезающий след...
Зная, что мир посмеется последним,
И никогда не наступит рассвет.

2001

Песни Меджнуна

* * *

Оттого я безумен, что мать меня родила;
Что недвижна земля; что днем молчат соловьи;
Оттого я безумен, что имя тебе - Лейла;
Оттого я безумен, что эти глаза - твои.

Оттого я дик, как шакал, и худ, как скелет,
Оттого слова мои - пламя, а стоны - дым,
Что из тысячи тысяч ступающих по земле
Нет ноги, что могла бы оставить твои следы.

Оттого-то, как только прохладой пахнет в окно,
Я безумен. Я вижу тебя. Я с тобой вдвоем.

Что мне проку хвалить твои очи и губы, Ночь?
Кто сгорел, тот не хвалит ожоги в сердце своем.

* * *

За пуды серебра покупают жен,
Словно море, текут по степи стада, -
У меня только нож, да и тот чужой,
Только сердце, да разве ж его продашь?

Две сумы я надел, да и те пусты,
Три страны я прошел - на тебя взглянуть.
Что пуды серебра для такой, как ты?
Все равно, что за грош торговать луну.

Где возьму я парчи тебе для шатра?
Из каких самоцветов построю дом?
У меня только нож, да и тот украл;
Только краденый нож, да своя ладонь.

Но из тех, кто рабом для тебя служил,
Никому не гордиться ни перед кем:
Разве что-нибудь, кроме крови из жил, -
Это плата за ночь на твоей руке?

Нет вина у меня - напоить гостей;
Нет ума у меня - уж не первый год...
Только нож у меня - рассчитаться с тем,
Кто под свадебный кров тебя поведет.

* * *

Я - на руке у тебя перстень с печатью, девушка:
Мной запечатано слово твое любое.
Я - у тебя под ногою камень брусчатый, девушка:
Каждый твой шаг отзывается в сердце болью.

Я - непривязанный пес, и если луна - ты,
Плач мой несется к тебе на дороге горной.
Я - у тебя под фатою цветок граната:
Запах волос твоих перехватил мне горло.

Я - бесноватый, юродивый, грош цена мне,
Брошенный камень, волны разнесенный рокот.
Я - под перстами истерзанных струн стенанье,
Падаль, присохшая взглядом к твоим воротам.

Имя мое для тебя - плод недоспелый, любовь моя.
Сорванный лист на ветру меж летящих сонмищ.
Имя мое для тебя - песнь без припева, любовь моя:
Даже и в сонном бреду ты его не вспомнишь.

Что же во мне, как огонь в пустоте ночи,

Победоносное имя твое звучит?

* * *

Передайте той, белогрудой, -
Пусть наденет синее платье.
Видеть в синем ее - проклятье,
Я смотреть на нее не буду,
Убегу, уеду, забуду...
Сотвори, о Господь мой, чудо:
Обесцветь проклятое платье,
Перекрась синий цвет повсюду...
Наапет Кучак

Клином солнце тянется от дверей,
Под окном премудрствуют сизари...
Я хотел бы певчим быть при дворе,
Чтобы синее платье тебе подарить.

Чтобы стали блеклыми пред тобой
Свод небес и моря лазурный вал,
Я пошел бы горше, чем на разбой, -
Для воров бы на площади танцевал.

Я бы отдал золота - сто возов,
Сам за это бы нищим в тюрьме зачах,
Чтобы самый синий в мире узор
Заиграл бы парчой на твоих плечах.

Я запродам бы ключья своей души,
Чтоб оно предстало моим глазам;
Я сапфирами дал бы его расшить -
Пусть рабыням достанется бирюза!

Но бессильны руки мои, и не-
У кого просить: нищета и сор.
А в чертоги сильных в любой стране
Не пускают петь ободранных псов.

Никогда бы ты не стала носить,
Не взяла бы подарка из этих рук...
И во сне мне снится смертная синь,
Застилая зной на сером ветру.

* * *

В кабаке густеет пьяный дым,
В кабаке пирует всякий сброд...
Нынче пью с бродягою одним,
Что сидел на камне у ворот.

И на пальцы, скрюченные вдрожь,

Ты ему, из дома выходя,
Уронила в пыль блестящий грош -
Каплю золотистого дождя.

До кончины дней его тугих
Он теперь от стужи защищен:
Отдал башмаки ему с ноги,
Обменялся платьем и плащом;

Отдал все. И нет тому причин,
Чтобы нам не пьянствовать вдвоем:
Место у ворот теперь мое -
Я его навеки получил.

Кто тебя не видел - не постиг,
Что таится в слове "навсегда".
Мне теперь отсюда не сойти
Даже в час последнего суда.

И ни часовому на посту,
И ни башне в каменном тыну...
Я корнями в камне прорасту,
Ветви над оградой протяну,

Уподоблюсь терну и плющу,
Стану тамариском и травой...
Я корнями сердце проращу
Посреди булыжной мостовой.

Чтобы не сумела миновать
Ни в одной из троп твоих земных -
Для того я выкупил права
На свое владенье у стены.

В кабаке бессумрачные дни,
В кабаке щербатая луна...
Нынче пью с бродягою одним,
Пью и упиваюсь без вина.

Всю неделю ни куска во рту
Не держать почти наверняка -
Все монеты отдал я за ту,
Что дала ему твоя рука.

* * *

Пятьдесят у тебя рабов, клейменные лбы.
Пятьдесят у тебя рабов и сорок рабынь;
Затеряться бы в этом стаде, став посреди...
Пятьдесят рабов. Со мной - пятьдесят один.

Пятьдесят женихов (был бы с ними, если бы мог).
Пятьдесят теней, обступившие твой порог,

Пятьдесят трофеев к чести отцовских седин...
Пятьдесят влюбленных. Со мной - пятьдесят один.

Пятьдесят ночей не могу осилить тоску.
В полусотый раз мне снится, как по песку
Увлекают за трупом трупы, с ножом в груди...
Пятьдесят убитых. Со мной - пятьдесят один.

* * *

Ты замкнул небеса для меня, Творец!
Просверлил глаза мне Твой окоем!
Я бы стал святым на своей горе,
Если б я любил Тебя, как Ее.

Убери с души мне каменный груз -
Я, как птица, взлечу к Тебе в вышину!
Вместо этого ниже и ниже гнусь,
Ни рукой, ни ногою не шевельну.

Ни движенья, ни сил у меня в груди -
Только эта проклятая там, внутри...
Отвори небеса Твои, Господин.
Забери навсегда меня... забери...

* * *

Руки высохли. Рот и глаза затянуло льдом.
Даже имя утратил – не помню, когда и где.
Только пепел остался от места, где был мой дом.
Как живой среди мертвых. Как мертвый в мире людей.

Что за тени вокруг разевают немые рты?
Не могу я думать о них, если снилась ты.

Кандалами клубится дороги призрачный шелк.
Я зажал себе уши, пытался закрыть глаза –
Я ушел от тебя, я ушел от тебя, ушел!...
Каждый стон в изможденных суставах тянет назад.

Кто сказал мне о Боге? – Ступайте в свой монастырь!
Не могу я думать о Нем, если снилась ты.

Для чего ты убила меня? Для чего я жив?
Для чего я иду? Для чего обречен дышать?
Это просто во сне я скитаюсь в мире чужих,
Это просто ступни обжигает мне каждый шаг,

Это просто горячка во лбу не хочет остыть...
Как могу я думать о ней, если снилась ты?

Отнялись и глаза, и язык, и на шраме шрам,
А на месте дома – лишь пепел кружат ветра;
Ничего впереди и глумливый смех за спиной...

А куда я иду, не знаю. Мне все равно.

Что за смерть меня встретит в дороге? – Мысли пусты.
Как могу я думать о ней, если снилась ты...

1999 – 2002

Монолог на остановке «Женский монастырь».

«Любовь? Он поглощен совсем не ею.»
Быть может, Гамлет - но, увы, не я.
Не ожидайте мирного житья
От тех, чьи предки брали галереи

И храмы Рима.
Мудрость не про них.
Их, варваров, ничто не сохранит.

Где римлянин в душе - пожмет плечами;
Где усмехнется греческая спесь;
Где не поднимет благонравный перст
Гораций, новоявленный датчанин, -

Вандал, как человек неделовой,
Упорно бьется в стенку головой.

Не менее, чем два тысячелетия
В беседе, в обиходе, на холсте -
Приличья в изъяснении страстей
Успешно игнорируются этим

Обломком века.
В дикости завис.
Что делать - социальный атавизм!

Когда диктуют веяния века
У Фрейда, Цицерона иль Фомы
Искать опоры, - так, мозги промыв,
Их чем-нибудь накачивает лекарь, -

Смешно твердить с унынием в лице,
Что вы не признаете панацей.

Что фразы как товар - не стоят денег,
Что все микстуры льются мимо рта,
Что ни один ученый шарлатан
Без мыла вашу кожу не наденет,

Что вам нужны не отдых и покой,
А только та, о ком... или о кой?

Позволив замесить себя, как глину,

Ни в корне мысли, ни в ее ботве,
Вы так и не отыщете ответ:
Что делать, если свет сошелся клином.

Принц Датский к тридцати своим годам
Признаться, ни черта не разгадал.

Ему, похоже, в ум не приходило
Искать примера в собственном лице.
Ну, что за фантастический рецепт:
Пить уксус, заедая крокодилом?

(Кто в диспуте с гиперболами щедр,
Тот их едва ли видел вообще).

Ну и куда, какому тайновидцу
Теперь адресовать подобный срез?
Остановиться - лучшее из средств,
Но объясните, как остановиться,

Когда - как пару тысяч лет назад -
У сердца отказали тормоза?

Любовь? Он поглощен отнюдь не только -
Счастливчик принц! - не только ей одной.
Ни воды моря, ни речное дно
Покойницей Офелией в потоке

Его не поманили: от воды
Гниют цивилизации плоды.

Так пусть же не останется в обиде,
Доселе не поняв, куда мы гнем.
Он поглощен не этим - черт ли в нем?
Он не тонул. Он этих снов не видел.

Кто сим заболеваньем обделён,
Тот принцем был - но не был королём!

2000

Марфа

Маленький - два стула и постель,
Без петель - распахивайте шире! -
Просто дом, стоящий на отшибе,
Вечно в ожидании гостей.

Прялки стук да бляенье ягнят,
Да порой задумчивое пенье...
Только две склонившиеся тени -

Женские фигуры у огня.

И однажды - лето иль зима? -
Он вошел. Спросил: "Переночую?".
Видно, у богов свои причуды:
Бог не любит людные дома.

В тот же миг две пары женских глаз
Стали как распахнутые ставни.
Но одна прикованной осталась,
А другая с места сорвалась:

Принести воды, раздуть огонь -
Словно для Него лампы мало! -
Да схватить в укладке покрывало
И накинуть на косы другой.

А другая... Ярче, чем фитиль
В доверху наполненной лампаде
Лишь один багрец нашечных впадин
Бледное строенье осветил.

А другая... Если глянуть так
Могут очи - губы, онемейте!
Только передвинула скамейку
Тишиной и светом залита:

Изо всех, сияющих красой,
Из других, взирающих глубоко,
Есть одни... которым только Богу
И глядеть в устлое лицо.

Словно озарило: столько дней,
Веря и не веря, почему-то
Прождала вот этой вот минуты.
Этой вот. Единственной. Своей.

Для того и пела по утрам,
Для того и грезила, роняя
Все из рук - покуда словно няня
За тобой - ворчливая сестра...

Это чтобы ты сейчас - вот так -
Села здесь - и очи говорили...
А для Марфы песнь - звалась Марией,
А для Марфы жизнь - звалась Марией,
А для Марфы - все звалось Марией:
Зренье. Слух. Молитва. Красота -

Где уж нам, с руками как наждак,
Между стиркой в воду поглядеться!
Не Марии, избранные с детства, -

Марфы, не умеющие ждать,

Увядают прежде. В мелочах
Потонув, на мелочи растратясь,
Не на побрякушки, не на страсти -
Просто по поленьшку в очаг

Скормлено - и убрана зола,
Башмачок на кухоньке истоптан...
Все ушло на штопку, на растопку -
Одного растопка не взяла,

Не смогла - у бездны без краев
Марфины мозоли отмолили! -
Кос Марии, поступи Марии,
Глаз ее и голоса ее!

Поутру на праздник выходя
Гордо позади своей родимой -
Словно душу за руку водила
По благоговейным площадям!

Так ты красоту свою блюла,
Марфа, Марфа, горькая осина!
Но сейчас ты губы закусила -
Так закусывают удила.

Две минуты - или сотня лет
Пронеслось над неподвижной парой?
У тебя меж тем душистым паром
Теплый хлеб исходит на столе.

Свежий сыр, парное молоко,
Срезанные гроздья винограда...
Марфа, Марфа, или ты не рада
Ласковому гостю? Но о ком

Ты б не позаботилась в пути,
Точно так же не омыла ноги?
Марфа, ты не сделалась иною,
Самого иного приютив;

Отчего ж теперь, когда Он Сам
В дом к тебе пришел, как первый встречный,
Он творит диковинные речи -
А тебе не слышно ни словца?

У Марии светятся глаза -
А твои от кухонного жара
Заслезилась! Ты не удержалась,
Марфа, Марфа, только и сказав:

"Господи! Тебе и дела нет,
Что одна служу тебе по дому.
Хоть на две минутки, ненадолго,
Отошли сестру мою ко мне!"

Вхолостую грянул этот залп,
Марфа, не исчислившая меры!
По тому, как Он недоуменно
Ледяные чистые глаза

Поднял, - ты узнала в тот же час,
Что твоих даров не принимают.
Лучше б родилась глухонемая,
Чем услышать то, что отвечал

Тихий голос, словно долетя
С высоты сиянья ледяного:
"Марфа! Ты заботишься о многом,
А одно лишь надобно, дитя".

На тебя почти не поглядев,
На нее - еще неповторимей! -
Глянул: "А сестра твоя Мария
Избрала себе благой удел".

Вот и все. Но от коротких фраз
Этих двух - мороз прошел по жилам.
Марфа, Марфа! Ты не заслужила.
Но всего страшнее - что сестра,

Горлинка твоя, твой лепесток,
Губ не разомкнула - заступиться.
У евангелиста не записан
Возглас, что почти уже исторг

У тебя, из губ твоих и глаз
Этот миг, без звука прозвучавший,
Марфа! Переполненная чаша,
Что уже словами пролилась:

»Не на что и некому пенять,
Хлеб и скатерть горечью политы.
Стала как полынь моя молитва,
Боже мой, отвергнувший меня!

Для чего пренебрегла зерном
Ячменя - любовь твоя слепая?
Разве боги, по земле ступая,
В хлебе не нуждаются земном,

Не сбивают ног, не пьют воды,
И блажен, кто этого не делал?

Для чего топчу Твои пределы,
Если Ты отверг мои труды?

Душу с хлебом выставив на стол,
Как я послужу Тебе иначе?»
Вот упрек, которого не начал
Твой язык. Ни бровью, ни перстом

Не пошевельнула, промолчав,
Только не из робости - куда там! -
Мужем будь - брала бы города ты,
Камни разбивала бы сплеча,

Если надо - ты бы и теперь
Всех небесных войск не убоялась, -
Но к чему беспомощная ярость,
Чем поможет жалобная песнь,

Чем поможет - вместе с ярлыком,
Что язык твой зол и неумен...
Так и замерла в дверном проеме -
Губы пересохли, в горле ком,

С полными руками (стопка льна,
Кисти шерстяного одеяла...),
Лишь на миг терпенье потеряла -
Так нога теряет стремяна -

Лишь на миг - и сызнова свела
Было разошедшиеся брови.
Марфа! Если не было суровой
Твоего упрямого чела,

Это оттого, что ты сама
Судия себе еще строжайший,
Чем Другой. Рукою недрожащей
Приговор - надежнее клейма -

Вынесен. Не горшая из бед -
Что несправедливо укорили!
Твой неправый гнев - зовут Марией,
Твой благой удел - зовут Марией,
Свет твоих очей - зовут Марией,
А она забыла о тебе!

А она забыла, а она -
Яркая, нездешняя, чужая -
Щеки, раскаленные от жара
Над краями вышитого льна

Обхватив руками, подалась, -
Как свеча, колеблемая ветром!

Как на свет протянутые ветви!
Как детеныш в ожиданье ласк

Матери - к Нему, вперед и вверх.
И, взглянув, как ласково и низко
С высоты Пришелец наклонился
К поднятой навстречу голове,

Поняла, - внезапно, словно дождь, -
Что всего лишь день пробудет с нею!
Что теперь, затеяв объясненья,
У нее мгновения крадешь,

Что для э т о й встречи так чисты
Сестрины распахнутые веки;
Что никто - отныне и вовеки -
Не увидит этой красоты;

Что земные грешные цари
Недостойны дня ее и часа,
Что сейчас, в огне такого счастья,
Вся она до капельки сгорит...

...Дерзкая Иаковлева дочь,
Мать его, и кость его, и волос,
Марфа! С Богом - ты бы поборолась!
С собственной нежностью - вотще.

Что уж там, вина с Него снята,
Если Он тобой пренебрегает -
Что поделать, Марфа! Ты другая.
И богам бесценна красота

Смертная, и что с Него спросить,
Если отослать ее не может,
Раз тебе самой она дороже
Собственного счастья в небеси!

У тебя ж - что кожа, что гортань:
Слух дерут и зренья не ласкают.
У тебя же - тяжкие, как скалы,
Складки плотно сомкнутого рта,

Сроду не боявшегося - речь,
Нет - рычать, как раненная львица!
Марфа! Не угроза ли нависла
Над молчаньем в этой конуре?

Тот, Кому полотнище для ног
Принесла, чтоб не болели раны,
Терпеливо ждет твоей тирады.
Ждет с улыбкой. Кротко. Ледяно.

Что еще сорвется с этих губ,
Марфа, Марфа, отпрыск непутевый?..
... Лишь взглянула. Пот с лица утерла
И ушла на кухню к очагу.

1997